

А. БЕЛЫЙ

З. Н. Гиппиус. Алый Меч. Рассказы (4-я книга)

Издание М. В. Пирожкова. СПб. 1906. Ц. 2 р.

Среди истинно культурных художников имя З. Н. Гиппиус занимает видное место. Из писательниц женщин она одна вооружена всем, что составляет основу и мощь утонченной культуры. В этом ее незабываемое значение.

Есть два типа писателей. Вглядываясь в окружающее, одни стараются прочесть несказуемый сказ действительности, разгадывают загадки, загаданные жизнью. Этим, с одной стороны, они отвлекаются от жизни, в которой ничто не разгадано, с другой стороны, они стремятся перешагнуть за порог литературы, потому что литература для них только снимок с Тайны, Которую они разглядели в окружающем. Средствами литературы пользуются они, чтоб указать путь, и лезвиями мысли разрешают они кружево жизненных загадок. Но путь этот часто не простирается за пределы литературы, разрешение загадок остается не действительным, а мысленным. Опасность, грозящая им, — в том, что часто жизнь превращается для них в большой фолиант именно в тот момент, когда они полагают, что разгадали ее тайный шифр. Выступая как проповедники, они выглядят только библиотекарями старинных библиотек, у которых ум заходит за разум. Все же эти писатели — символисты; только символы очерчивают они при помощи схем и нормативных правил. Им бесстрашно можно позволить себе увлечение тенденцией. Значение тенденциозной литературы только в том, что у истинного писателя, как бы предвзято и настойчиво он ни провозглашал тенденцию, есть постоянная связь между тенденцией и символом, который она отображает. В этом постоянном взаимодействии между символом и тенденцией все жизненное право на проповедь писателя этого типа, независимо от того, окружен ли

он толпой, или, по словам буддийской мудрости, «о н г р я д е т о д и н о к о, п о д о б н о н о с о р о г у» (Uragavagga. Сутта III).

Писатели другого типа не стремятся расширить литературу проповедью. Они не находят тенденциозных моделей к переживаниям символа. Живут дыханьем Тайны. И о том, чем надышались они — настоем неба, ветерка, слов невнятных, пропитаны их ароматные страницы. Не убеждая, они побеждают; открывают, не указывая; не зная, учат. Если писатели проповедующие мужественны, эти — женственны; если те — произвольные теисты, всегда пантеисты — эти. Если те тайно тяготеют к эллинско-еврейской, христианской культуре, эти — буддисты, конфуциане или ведантисты. Нам не важно, какими словами характеризуют себя писатели; эти слова их о себе нужны, важны, интересны нам не сами по себе, а как рамка с большим или меньшим вкусом, обрамляющая г л а в н о е в них. Есть множество примеров, когда писатели всю жизнь лгали о себе, воспевали рассудком как раз противоположное тому, о чем пела их душа, и с к л ю ч и т е л ь н о к о к е т с т в а р а д и.

Только глубочайшим гениям в немногие моменты творчества удавалось гармонично соединить оба русла литературы. Писателям же, лишенным гениальности, как бы ни был велик их талант, попытка соединить мало соединимое всегда приносит ущерб. Вот почему не в п р и н ц и п е, а на практике всегда приходится сожалеть, когда мудрец хочет остаться чистым художником или когда художник ударяется в проповедь.

Все эти размышления невольно приходят в голову, когда пристально вчитываешься в разбираемую книгу.

В творчестве З. Н. Гиппиус мыслитель явно *не* соединен с художником. Она то возбуждает наше сознание, ставит перед нами ребром сложнейшие антиномии жизни, и когда мы всецело отдаемся очарованию ее ума и пронизательности, нам вдруг неприятно режет слух пряность стиля, столь идущая, например, чистому художнику слова, для которого изысканность — святая простота, подвиг, молитва и воздыхание о Тайне. Есть красота формы в З. Н. Гиппиус. Иногда, выступая на первый план, как серебряный месяц из-за облака мысли, нежит, и топит, и греет серебряная красота ее молитв, но там опять назойливым утесом выступает схема, нравочужение. Миг, и улетело очарование, улетело... Перестроив себя на новый лад, опять начинаешь понимать, что и с х е м а ее — не с х е м а, а *façon de parler* * о несказанном, что здесь то же небо и та же тайна, но п о-и н о м у.

* Здесь: манера говорить (*фр.*).

И вновь врезывается иная тональность без достаточно мягкого перехода в едва найденную гармонию, чтоб нарушить ее. И так все время.

Наконец, достаточно освоившись с главным недостатком произведений З. Н. Гиппиус, понимаешь, что резкая смена тональностей в творчестве ее — своего рода метод, и как всякий метод он имеет свое относительное оправдание. Гармония в ее творчестве есть гармония, построенная на закономерности в смене диссонансов. Это, правда, приличный выход из неумения соединить цельно два противоположные метода творчества — н о т о л ь к о п р и л и ч н ы й, указывающий на ум, вкус и изысканность разбираемой писательницы, сумевшей найти оригинальный выход там, где собственно выхода ей не полагается. Мы оцениваем вполне ее прием. Диссонансирующие ноты, отсутствие цельности, как все тонкое и хрупкое, начинает нас прельщать, как прельщает нас музыка Скрябина или как нравится нам сейчас Рамо (который для нас совсем не то, что для современников его), как предпочитаем мы капризно подчас запах полузасохшей сирени сирени, только что распустившейся.

Если что цельно в творчестве З. Н. Гиппиус — это ее ум, вкус и культура; остальное — в противоречии, т. е. мудрец, призывающий нас к тому, что за пределом литературы, насилует художника в ней, серьезность религиозных призывов ее обессиливает художник. Но едва ли кто будет спорить против того, что в мозаике разнородных, несведенных к единству элементов творчества З. Н. Гиппиус есть места как удивительной красоты, так и места, глубокие по религиозному прозрению.

Четвертый сборник рассказов «Алый меч», уступая в художественной силе «Сумеркам духа», определенно и сильно окрашен проповедью христианства и соборности. Только проповедь эта носит подчас «интимный, слишком интимный» характер, чтобы быть действенной вне сферы малого круга посвященных в «христианский» жаргон автора. Это скорее интимные вздохи о соборной Истине, чем указание на путь к Истине. Все же пасхальный звон, призывный и ясный, звучит задумчиво в тихих речах автора. Ловко и умело соединяет талантливая писательница сложнейшие недоумения нашей культуры

со все разрешающей пасхальной заутреней. Умело и ловко вскрывает мертвенность ходячих взглядов на христианство, увенчанных распадающимися храмами, в которых не звучит нам бархатный голос Тайны, сходящий с неба, голос, от которого «т и г р о й» загорается небосклон. Но когда для усиления

христианской тенденции появляются все эти миссионеры, раскольники и даже студенты духовных академий, вместе с Марией—Май (см. рассказ «S u o r M a r i a»), долженствующие доказать неврастеническому идиоту, что существует магическое С л о в о, все разрешающее, скучно и душно так становится на душе! Ведь дыхание Т а й н ы ведомо З. Н. Гиппиус: ручательством тому — «Н е б е с н ы е С л о в а», где Т а й н о й стыдливо оваяно каждое слово. Зачем предавать тишину ходячими поучениями — ведь не для одной З. Н. Гиппиус воркуют белые голуби Пришествия? Затем эта Мария—Май, играющая роль гувернантки при каком-то расслабленном полудиоте, Андрее, к которому писательница готова причислить всех, кто не согласен с ее я в н ы м и словами о с о к р о в е н н о м. Если З. Н. Гиппиус полагает, что она нашла С л о в о, разрешающее Тайну, то или тут мы имеем дело с романтикой, а не с действительностью, или же перед нами невольное, едва заметное, а потому и весьма опасное отклонение к сар-пеладанству: Тайна, вокруг которой вращаются герои автора, существует не для одной только З. Н. Гиппиус. Для чего же, так сказать, в кредит брать монополию на священнейшее достояние всякого, потому что всякий говорящий и не говорящий, сознающий и не сознающий, стремится все к т о м у ж е.

Никто не знает, у кого есть С л о в о и открыто ли О н о хоть кому-нибудь из нас. Хочется верить, что оно открыто или всем, или никому; а потому и тон наставницы не к лицу автору, тем более что этот тон убивает не одну страницу высокой красоты, чувство которой так развито в почитаемой писательнице.

